

Фан Линь внезапно поднялся, прислонившись спиной к столу в комнате отдыха, и постарался скрыть удивление, затаившееся на дне глаз.

Он отвёл ладонь назад, уперевшись ею в стол, а указательный и средний пальцы бессознательно скребли по краю столешницы, долго не в силах вымолвить ни слова.

И что тут скажешь?

С того самого дня, как он переродился, Дуань Чанкэ то и дело неожиданно вторглся в его жизнь. В прошлый раз так было, и сейчас то же самое.

Почему он вообще здесь появился?

Этот грозный молодой господин, владелец первоклассной медиакомпании, даже если он и инвестировал в этот сериал, ему вовсе не обязательно было лично приезжать на съёмочную площадку и следить за процессом во время проб, не говоря уже о таких мелочах, как съёмка рекламных образов.

Если только у него действительно не было какой-то цели или желания кого-то отыскать...

Сердце Фан Линя дрогнуло, и он вихрем прокрутил в мыслях воспоминания: в прошлой жизни у него с Дуань Чанкэ и впрямь не было никаких точек соприкосновения, не мог же тот припереться сюда исключительно ради него.

На беду, Дуань Чанкэ вовсе не собирался ограничиваться одной лишь фразой — он дал Фан Линю совсем немного времени на раздумья и, словно подгоняя, переспросил:

— Разве нет?

Дуань Чанкэ не видел ничего дурного в своих словах и, словно шутя, повторил то, что только что сказал Тао Лэ:

— Больше не хочешь велосипед?

Когда те же самые слова слетели с его губ, Фан Линь почувствовал, как у него слегка запылало лицо.

Вообще-то он говорил небыстро и вовсе не давил на собеседника. Заметив, что Фан Линь молчит, он не стал наседавать, лишь слегка опустил взгляд, будто обдумывая что-то.

Вот только его личная аура была слишком мощной.

Фан Линь так сжал пальцы на краю стола, что те побелели.

Он говорил себе, что должен вести себя невозмутимо.

Что бы ни значили эти слова на самом деле, кем бы ни приходился ему сейчас Дуань Чанкэ — владельцем компании-конкурента или просто выступал от собственного лица — в любом случае тот протягивал ему руку помощи.

Окажись он в прошлой жизни, он, пожалуй, и вправду повёл бы себя так, как предсказывал Тао Лэ: выпрямил бы спину, гордо отказался принимать подачки, счёл бы это унижительным, холодно отверг бы Дуань Чанкэ и с вызовом заявил, что добьётся всего собственными силами, а в подобных легкомысленных приглашениях не нуждается.

К сожалению, не всё в жизни можно получить, упорно и слепо к чему-то стремясь. Вспоминая последние полгода до своей гибели — без ролей, без развлекательных шоу, с подписанным с компанией кабальным соглашением о минимальной ставке, в результате которого он получил ровно этот самый минимум, — он чувствовал лишь страшную усталость, вымотанность и пресность бытия.

И тогда он сказал себе: смотреть на всё проще, тянуться за тем, чего хочется, отказываться от нелюбимой работы, и даже если в итоге жизнь окажется хуже прежней, больше не заниматься тем, что приносит несчастье.

Но с тех пор, как ему выпал шанс получить эту роль, или лучше сказать — с того момента, как у него чудесным образом появился шанс на перерождение, всё вокруг должно было измениться.

Ему очень нравился персонаж Цзин Чуань, поэтому он мог отлично сыграть его, даже не прилагая чрезмерных усилий.

Съёмочная группа подошла к делу ответственно, и, судя по всему, они действительно хотели снять этот сериал как надо.

Чу Чэнь тоже был полон энтузиазма и относился к работе предельно серьёзно.

Всё это он жаждал получить уже очень давно, и вот теперь кто-то стоял перед ним и говорил: я могу тебе это дать.

Вопрос Дуань Чанкэ звучал как искушение — а впрочем, вряд ли это можно было назвать искушением, скорее, способом заставить его взглянуть правде в глаза и подтолкнуть к выбору.

Разорвав в клочья мрак его прошлой жизни, этот человек легко и непринуждённо отворил перед ним дверь и произнёс: не хочешь попробовать?

Фан Линь глубоко вздохнул, снова поднял голову, лукаво сощурился, улыбнулся и непринуждённым, лёгким тоном спросил:

— Неужели директор Дуань положил на меня глаз?

На самом деле ему хотелось задать еще очень много вопросов.

Например, самый банальный: я вообще-то мужчина, или же банально-претенциозный: почему именно я?

Но при возможностях Дуань Чанкэ, если рассуждать здраво, для него самого в этом не было ни малейшего намёка на убыток.

Однако Дуань Чанкэ не стал отвечать на этот вопрос напрямую, а лишь спокойно посмотрел на Фан Линя.

Зрачки его были тёмными и глубокими, и порой Фан Линя пробирала дрожь от мысли, что под этим взглядом Дуань Чанкэ все его старания сохранить невозмутимость и беспечность идут прахом.

Но у него отличные актерские данные, думал Фан Линь, это одно из немногих его достоинств.

Он вовсе не играл какую-то роль — он просто хотел спрятать того жалкого и до нелепости несчастного себя из прошлой жизни, сделать так, чтобы никто и никогда этого не увидел, и всё.

Поэтому он собрался с духом и решил, что вполне справится с этой задачей. В конце концов, это не так уж сложно.

— Хорошо.

Фан Линь больше ничего не спрашивал. Кончики его пальцев, всё еще сжимавшие край стола, слегка вспотели, но улыбка на лице оставалась невозмутимой, а из-за того, что они стояли на достаточном расстоянии друг от друга, можно было не беспокоиться, что собеседник услышит учащённое сердцебиение.

Дуань Чанкэ задал вопрос предельно прямо, и Фан Линь ответил столь же прямо:

— Какие у директора Дуаня условия?

Он заметил, что выражение лица Дуань Чанкэ ничуть не изменилось — тот лишь провёл

пальцем по экрану смартфона:

— Если хочешь, я могу позвать ассистента составить контракт.

— И что тогда директор Дуань может мне дать?

Дуань Чанкэ задержал палец на экране, бросил на Фан Линя взгляд, и его тонкие губы шевельнулись:

— Чего ты хочешь?

Даже когда они обсуждали подобные вопросы, в его голосе не было ни насмешки, ни презрения — лишь исполненное хороших манер серьёзное вопрошание.

Фан Линь лишь на мгновение отвел взгляд, а затем произнес:

— Тогда я хочу подписать контракт с Хайлинь.

— Хорошо. Ради приличия мы выплатим базовый оклад, но процент отчислений будет на десять процентов выше, чем у других артистов, а если всё пойдет успешно, позже добавим и бонусы, — Дуань Чанкэ ни капли не выказал недовольства и продолжил: — Мое слово имеет вес. Конечно, если деньги нужны срочно и ты не можешь ждать, можешь приехать на подписание хоть завтра, о неустойке можешь не беспокоиться.

— Разумеется, ресурсы — это лишь одна сторона медали, — Дуань Чанкэ посмотрел на него. — Помимо этого, можешь просить у меня всё, что захочешь. Ты понимаешь, о чём я.

Машину, квартиру или вполне конкретные деньги.

Закончив говорить, Дуань Чанкэ продиктовал ему свой личный номер:

— Если еще что-то понадобится, обсудим на месте.

Фан Линь сжал пальцы в кулак и поднял голову:

— А на какой срок?

Только тут Дуань Чанкэ слегка заминкался, словно вообще не задумывался над этим вопросом.

— Тогда... пусть пока на год.

Сотрудники съёмочной группы постучали в дверь и, соблюдая вежливость, не стали входить, лишь предупредив, что можно готовиться ко второй смене.

Фан Линь кивнул в ответ и произнес: «Хорошо». Дождавшись, пока дверь закроется, он снова перевёл взгляд на ожидавшего в стороне Дуань Чанкэ.

— Когда мне прийти к вам на подписание?

— В любое время.

Ладони Фан Линя уже высохли, а напряжение отступило. Он сказал:

— Давайте сегодня.

Дуань Чанкэ тут же согласился:

— Я скину тебе адрес, как освободишься — приезжай.

— Хорошо.

Стоял полдень, окно в комнате было распахнуто, воздух казался сухим, наполненным присутствием только лету чистым ароматом.

Провожая взглядом Фан Линя, направляющегося к выходу, Дуань Чанкэ произнёс:

— Не спеши, времени вагон.

Когда Фан Линь вместе с Дуань Чанкэ вышел из комнаты, Тао Лэ, прождавший неподалёку битый час, как раз испуганно занимался самобичеванием.

Стоило ему увидеть обоих, как он уже собрался искренне во всём повиниться, но перехватил предостерегающий взгляд Фан Линя, велевшего ему пока помолчать.

Тао Лэ тут же захлопнул рот, хотя его глаза продолжали суетливо бегать между ними двумя.

Фан Линь потянул Тао Лэ за собой в павильон, а Дуань Чанкэ молча направился к выходу в одиночестве.

Убедившись, что тот отошел достаточно далеко, Тао Лэ шумно выдохнул:

— Вы только что...

Неужели директор Дуань теперь начнет зажимать его Линя! Эта картина спонсирована Хайлинь! Сможет ли он вообще сниматься дальше? Его же не заменят?!

— Ничего не спрашивай, — бросил Фан Линь, продолжая шагать вперёд, уткнувшись носом в землю.

Былая невозмутимость от недавнего тет-а-тет куда-то испарилась, и он пока понятия не имел, как объясняться с Тао Лэ или Ся Ци.

— О-о... — заметив, что они идут в сторону съёмочной площадки, Тао Лэ хоть немного успокоился, мысленно решив, что директор Дуань всё же великодушен и у него широкий кругозор, а сам он впредь заречётся злословить о нём за спиной.

Придется даже заказать свечку за здоровье Фан Линя и помолиться, чтобы тот как можно реже пересекался с Дуань Чанкэ.

Съёмочный процесс прошёл гладко, фотограф остался крайне доволен этой серией снимков и в прекрасном настроении заявил, что кадры получились настолько идеальными, что ему не терпится выложить их без всякой ретуши.

Чу Чэнь даже угостил всю съёмочную группу кофе и пирожными, вежливо поблагодарив каждого за тяжелый труд.

На улице стояла изнуряющая жара, в то время как в здании вовсю работал кондиционер. Сделав всего глоток кофе, Фан Линь попрощался со всеми и ушел первым.

Тао Лэ, решивший, что тот направляется домой, уже собирался ловить такси:

— Я сегодня тоже в ту сторону, нам как раз по пути...

— Не нужно, — Фан Линь сам достал телефон. — У меня кое-какие дела, иди вперёд.

Ничего не понимающий Тао Лэ опешил:

— Линь-ге.

— М?

— Не падай духом, пусть с Хайлинь мы пролетели, потом найдём новую компанию. После

выхода этого сериала обязательно найдутся желающие заключить контракт.

Да всё в порядке, шансов более чем предостаточно.

Тао Лэ продолжал его утешать:

— Хоть дорожка с директором Дуанем сейчас и заказана, но если мы будем усердно трудиться, то в конце концов...

— Я пошел, — не дослушав его, Фан Линь махнул рукой и поймал такси.

— Эй, погоди, ты куда?

Фан Линь с лёгкой усмешкой взглянул на него, ущипнул за пухлую щёку, запрыгнул в машину, опустил стекло и бросил оставшемуся стоять на обочине ошеломлённому Тао Лэ:

— Искать дорогу, которая открыта.

Адрес, который дал Дуань Чанкэ, вел к элитному жилому комплексу в самом центре города.

Фан Линь уже бывал здесь раньше: в прошлом он особо ничего не почувствовал, но теперь осознал, насколько удачным было это расположение — оазис тишины посреди шумного мегаполиса, сдержанно и без лишнего пафоса.

Похоже, это было лишь одно из тех жилищ, куда Дуань Чанкэ изредка заглядывал.

На нём всё еще была та самая белая рубашка в студенческом стиле, в которой он снимался, а волосы слегка растрепались.

Переступив порог, он больше не чувствовал скованности.

В конце концов, это его собственный выбор, да и показное жеманство ему претило.

Жилище Дуань Чанкэ выглядело безупречно чистым: холодные серые тона, чуть не хватающие живого тепла.

Он, судя по всему, тоже только что приехал и ещё не успел переодеться. Увидев Фан Линя, он слегка кивнул в знак приветствия и указал глазами:

— На столе.

Дуань Чанкэ и вправду действовал оперативно. Фан Линь посмотрел на лежащие на столе несколько тонких листов бумаги.

Это казалось одновременно и чем-то нереальным, и в то же время не стоило излишнего удивления.

Подписать контракт между сторонами сделки — дело хорошее, срок выйдет, и никто никому ничего не должен.

Он бегло просмотрел пункты: условия, предложенные Дуань Чанкэ, оказались на редкость выгодными.

Однако странно было то, что в графе для подписи не было ни слова о том, что именно ему придется отдавать взамен.

Срок действия контракта — в течение всего периода существования отношений между Стороной А и Стороной Б...

Лишь расплывчатая формулировка «период существования отношений» определяла связь между ними.

Он не был дураком и прекрасно понимал, с чем столкнется, дав согласие.

Ходили слухи, что у некоторых богатых покровителей бывают весьма причудливые прихоти, от которых люди потом волком выют.

Но от начала и до конца — то ли Дуань Чанкэ выражался туманно, то ли намеренно избегал конкретики — в тексте не нашлось даже намека на слова вроде «переспать».

Подпись Дуань Чанкэ уже красовалась на бумаге — размашистая, уверенная. Со стороны всё выглядело как самый обыкновенный, ничем не примечательный коммерческий контракт.

Фан Линь взял ручку, глубоко вздохнул и аккуратно, буква за буквой, вывел своё имя.

Чуть выше его собственной подписи значился пункт о «расторжении контракта».

Сторона А могла по собственной инициативе инициировать разрыв отношений, получив при этом денежную компенсацию, размер которой зависел от отработанного времени и превышал оговоренные выше условия.

Всё выглядело более чем солидно, но главная загадка заключалась в том, почему к нему

отнеслись с таким необъяснимым дружелюбием.

Даже если бы он пробыл с ним всего месяц, в случае, если бы Дуань Чанкэ потерял к нему интерес, ему всё равно причиталась бы солидная сумма.

— Я подписал, — произнес Фан Линь.

— Мм.

Тот отозвался:

— Ты не против, если я закурю?

Фан Линь ответил: «Конечно нет», а затем добавил: «Можете курить когда угодно, я не против».

— Хорошо.

Увидев, как Дуань Чанкэ устроился у панорамного окна с сигаретой, Фан Линь вспомнил только что подписанный контракт.

Некоторые вещи всё же стоило прояснить до конца.

Не отрывая взгляда от Дуань Чанкэ, он шагнул из знойного марева улицы внутрь, и от высокой влажности голос его слегка зазвучал мягко, сохранив чистую и манящую влажную прохладу.

— Директор Дуань. — Фан Линь понятия не имел, слышит ли тот стук его сердца, но всё же подошёл ближе, зажав большим и указательным пальцами только что подписанную ручку, которая ещё хранила тепло, и небрежно, но ощутимо воткнул её в нагрудный карман костюма Дуань Чанкэ. — О какой именно «связи» между нами говорится в вашем контракте?

Примечания переводчика:

Общеизвестный факт: соглашения о содержании не защищены законом (ба-ши).

<http://bllate.org/book/26243/3143613>